

Richterek, Oldřich

**К вопросу о чешском восприятии русской литературы
"серебряного века"**

Slavica litteraria. 2012, vol. 15, iss. 1, pp. [25]-33

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/124344>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ОЛДРЖИХ РИХТЕРЕК

К ВОПРОСУ О ЧЕШСКОМ ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Abstract

On the Question of the Czech Reception of Russian Literature of the “Silver Age”

The paper briefly outlines the reception of Russian literature of the so-called “Silver Age” focusing on Czech translation strategies. The process is divided into three stages: the first one is devoted *de facto* to the first half of the last century, the second to the four decades after 1948, and the third to the turn of the 20–21 centuries. In relation to the contemporary approach to the phenomenon of modern Russian literature, the contribution of the researcher and translator Danuše Kšicová to its Czech presentation and interpretation is explicitly mentioned.

Key words

Russian literature ■ “Silver Age” ■ Czech translations ■ interpretation ■ reception

1. Своеобразный этап русской литературы так называемого «серебряного века», связанный, как известно, с эпохой перелома XIX – XX вв., отразился, конечно, в процессе чешского восприятия русской литературы. Можно говорить по крайней мере о **трех этапах** чешского подхода к этому уникальному явлению русской, а также и мировой литературы и культуры.

1.1. в первом этапе (почти приблизительно сто лет тому назад) нельзя игнорировать **два фактора**, способствующих относительно высокому интересу чешской среды к данному уникальному явлению русской культуры. Во-первых, решающую роль сыграла непрерывная традиция чешского интереса к русской культуре, вытекающая, с одной стороны, из опыта славянофильства и русофильства эпохи так называемого «национального возрождения» XIX в., с другой стороны, из существующей уже огромной популярности русской классической литературы не только в Чехии, но и во всей Европе. Во-вторых, позже (особенно в 20-ые и 30-ые гг. XX в.) определенную роль сыграла свободная культура молодого чехословацкого государства, включающая в себя и выразительное культурное присутствие так называемой «пражской русской эмиграции», которая в обществе под-

держивала, между прочим, и продолжающий интерес к атмосфере и артефактам дореволюционных культурно, художественно и общественно вдохновляющих импульсов, среди которых вклад «серебряного века» играл заметную роль.

В чешской переводной литературе встречаются относительно частые переводы произведений русского символизма, среди которых значительное положение занимают работы **Дмитрия Мережковского**, а также произведения его супруги и соратника – поэтессы, драматурга и литературного критика **Зинаиды Гиппиус**¹. Конечно, появляются переводы избранных артефактов и других представителей этого исключительного направления русской культуры, как, например, **Константина Бальмонта**² и **Валерия Брюсова**³, хотя переводы произведений выдающегося представителя русского символизма, поэта и драматурга **Александра Блока** в это время касались, прежде всего, лишь публицистики и известной поэмы «*Двенадцать*», другие примеры его художественного наследия появлялись в чешских переводах чаще только после 1949 г.⁴ в межвоенный

¹ Они оба были в Чехии популярны еще в начале XX в., ср., в качестве иллюстрации, например: Merezkovskij, Dmitrij Sergejevič. (1906) *Julian Apostata, román*. Praha: Karel Stan. Sokol, přel. Věra Čalounová. Merezkovskij, Dmitrij Sergejevič. (1908) *Florencké novely*. Praha: J. Otto, přel. Žofie Pohorecká. Merezkovskij, Dmitrij Sergejevič. (1910) *Smrt Pavla I.: drama o pěti dějstvích*. Praha: Přel. St. Minařík. Merezkovskij, Dmitrij Sergejevič. (1911) *Leonardo – Mona Lisa*. Praha: Josef Pelcl, přel. Žofie Pohorecká. Merezkovskij, Dmitrij Sergejevič. (1918) *Aleksandr I.* Praha: Fr. Borový, přel. Stanislav Minařík. Merezkovskij, Dmitrij Sergejevič. (1921) *Bolševictví, Evropa a Rusko*. Praha: Český čtenář, přel. F. Tábořský. и т.д. Или в случае З. Гиппиус, наприм.: Gippius, Zinaida Nikolajevna. (1907) *Noví lidé, povídky*. Praha: K. Neumannová, přel. Jan Stenhard. Gippius, Zinaida Nikolajevna. (1911) *Jabloně kvetou*. Praha: Vilímek, přel. Jan Stenhar. Gippius, Zinaida Nikolajevna. (1912) *Povídky (o novém životě)*. Hradec Králové: Melichar. Gippius, Zinaida Nikolajevna. (1913) *Zlatokvět*. Praha: Vilímek; přel. St. Minařík. Merezkovskij, Dmitrij Sergejevič, Filosofov, Dmitrij Vladimirovič, Gippius, Zinaida Nikolajevna. (1919) *Makový květ, drama o čtyřech dějstvích*. Praha: V. Kočí, přel. Žofie Pohorská. и т.д. – я считаю неуместным перечислять все довоенные издания чешских переводов упоминаемых мной писателей; в конце концов, информацию о них не трудно найти (например, в электронных каталогах на сайтах Национальной библиотеки в Праге); по этой причине в настоящей работе приводятся лишь иллюстративные примеры.

² Bal'mont, Konstantin Dmitrijevič. (1927) *Kde je můj dům*. Praha: J. Lukavský, přel. Antonín Kurz. Bal'mont, Konstantin Dmitrijevič. (1935) *Z básnického díla*. Praha: Česká grafická unie, přel. Jaroslav Vypel.

³ Brjusov, Valerij Jakovlevič. (1907) *Cesty a rozcestí*. Praha: J. Otto, přel. Petr Kříčka. в том же переводе и издательстве издание повторилось в 1914 г. Brjusov, Valerij Jakovlevič. (1913) *Ohnivý anděl*. Praha: Přel. Stanislav Minařík. Brjusov, Valerij Jakovlevič. (1921) *Tvář v tvář: Hra o české víře v r. 1918*. Praha: Jos. Springer. Brjusov, Valerij Jakovlevič. (1925) *Ohnivý anděl*. Praha: **Kvasnička a Hampl, přel. Stanislav Minařík, и др. Следует добавить, что только произведения писателей Мережковского и Брюсова переводились в Чехии до 1918 г.**

⁴ Blok, Aleksandr Aleksandrovič. (1921) *Rusko a inteligence, Essaye*. Praha: Kolokol, přel. Jarosl. Papoušek. Blok, Aleksandr Aleksandrovič. (1923) *Poslední dny carské vlády na základě*

период также возник первый чешский перевод романа «*Петербург*» значительного представителя группы символистов, поэта, прозаика и литературного теоретика **Андрея Белого**⁵.

Однако относительно высокий интерес чешской культурной среды начала XX в. вызвали и произведения **Леонида Андреева**, представителя русской прозы и драмы, испытывающего в своем творчестве влияние злободневного в то время импрессионизма. в течение приблизительно двадцати лет появилось более тридцати различных чешских переводов его прозаических произведений и драм; это число выражает и подчеркивает собой почти неожиданный взрыв популярности данного автора, импрессионистические, однако тоже экспрессионистические и абсурдные элементы подтекста произведений которого привлекали интерес чешских реципиентов в упомянутой сложной эпохе роковых перемен начала прошедшего столетия, интерес, показывающий более или менее встречные отношения чешской культуры к знаменитым произведениям «золотой» русской классики.⁶

В связи с намеченным контекстом интересно отметить тот факт, что яркое движение авангардного русского футуризма появлялось в чешских переводах начала XX в. относительно редко. Например, **Владимир Маяковский**, несмотря на то, что он в 1927 г. посетил молодую Чехословакию, представлен был лишь чешским изданием своей революционной поэмы «*150,000,000*» в переводе известного пропагандиста русской литературы Богумила Матхесиуса⁷, хотя после 1948 г., благодаря официальной интерпретации Маяковского как «трибуна революции» и личному усилению переводчика Иржи Тауфера, его творчество многократно издавалось на чешском

nevydaných dokumentů. Praha: Čin, přel. Jarosl. Papoušek. Blok, Aleksandr Aleksandrovič (1924) *Dvanáct: Revoluční epos*. Praha: Plamja, přel. Bohumil Mathesius. Книга переиздалась в том же переводе и издательстве год спустя.

5 Ср.: Belyj, Andrej. (1935) *Petěrburg*, román, kniha první, kniha druhá. Praha: Melantrich, přel. Boh. Mathesius.

6 Привожу опять лишь иллюстративно хотя бы несколько примеров переводов начала прошлого века: Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1903) *Život Vasilije Fivejského*. Louny: J. Rössler. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1904) *Povídky*. Praha: J. Otto, přel. dr. Bořivoj Prusík. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1904) *Červený smích – úryvky z nalezeného rukopisu*. Praha: Kamila Neumannová. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1905) *V mlze*. Praha: Moderní bibliotéka, přel. L. Hněvkovský. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1906) *Tři povídky*. Praha: J. Otto, přel. a úvod naps. Vinc. Červinka. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1908) *Rozum*. Praha: J. Otto, přel. Vincenc Červinka. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1909) *Moje zápisky*. Praha: Se svolením autorovým přel. Stanislav Minařík. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1909) *Láska k bližnímu – žert o jednom obrazu*. Praha: Přeložil Stanislav Minařík. Andrejev, Leonid Nikolajevič. (1909) *Syn člověka*. Praha: Bohumila Minaříkovám přel. Stanislav Minařík. О чешской рецепции и интерпретации художественного наследия Андреева см.: Dohnal, Josef. (1977) *Povídková tvorba Leonida Nikolajeviče Andrejeva*. Brno: Masarykova univerzita.

7 Ср.: Majakovskij, Vladimir Vladimirovič. (1925) *150,000,000: revoluční epos*. Praha: V. Petr, přel. Boh. Mathesius.

языке.⁸ Однако писатели, которых в настоящем смысле нельзя считать футуристами, несмотря на то, что они в молодости встречались с этим своеобразным направлением, сыгравшим свою роль не только в реформе русской поэзии, но и в последующем нарастающем интересе к форме и внутренней семантике художественно изображаемого мира (конечно, имеется в виду русский формализм, способствующий также и зарождению «пражского структурализма»), эти писатели переводились в довоенный период очень часто. Среди них, кроме **Бориса Пастернака**⁹, важное место занимают два знаменитых ученых, являющихся составной частью русской эмиграции в довоенной Чехословакии: **Роман Якобсон** и **Альфред Бем**.¹⁰

Относительно медленно проникали в чешскую культуру представители следующего своеобразного движения анализируемой эпохи (оппозиционно реагирующие, подобно футуристам, на предыдущую волну символизма) – русские акмеисты. Однако еще в межвоенный период появились переводы стихов одного из отцов и основоположников этого движения **Николая Гумилева**¹¹, творчество которого упоминалось позже, почти до

⁸ Между прочим, Тауфер позже перевел также стихи до тех пор в чешской культуре почти неизвестного футуриста **Велимира Хлебникова**. Ср.: Chlebnikov, Velimir. (1964) *Čmáranice po nebi. Výbor z prací Velimíra Chlebníkova*. Praha: SNKLU, přel., předmluvu a závěr. pozn. naps. a obr. přílohami opatřil Jiří Tauffer. Переиздание в изд. «Odeon» появилось в 1974 г. Chlebnikov, Velimir. (1985) *Všem*. Praha: Odeon, vybral, z ruš. přel. a ediční pozn. opatřil Jiří Tauffer.

⁹ Пастернак представлен был в чешской культуре еще в 30-ые гг. прошлого века. Ср.: Pasternak, Boris Leonidovič. (1935) *Glejt*. Praha: Spolek výtvarných umělců Mánes, přel. S. Pirková, závěrem a pozn. opatřil Roman Jakobson. Pasternak, Boris Leonidovič. (1935) *Lyrika*. Praha: Melantrich, přel. Josef Hora; doslov naps. Alfréd Bém. Pasternak, Boris Leonidovič. (1936) *Vznešená nemoc*. Praha: J. Kohoutek, přel. Jiří Weil.

¹⁰ Научное и художественное завещание Р. Якобсона было в чешской науке (не только русистами, но и богемистами) уже по большей части оценено, см. наприм.: Janáčková, Jaroslava. *Roman Jakobson a Čechy. Na útěku, v službách*. Česká literatura 1992, № 6. Zelenka, Miloš. *Roman Jakobson a literárněvědná slavistika v transformační etapě Pražského lingvistického kroužku*. SLAVIA, 1977, № 3. Jakobson, Roman. (1997) *Z korespondence*. Praha - Litomyšl: Paseka, vybr., sest. a, z rus. originálů přel. a doprovodné texty naps. **Ale**na Morávková, и др. работы. **Мы могли бы, конечно, привести целый ряд опубликованных в Чехии работ Якобсона в довоенный период**, как наприм.: Jakobson, Roman. (1937) *Glosy k legendě o sv. Prokopu*. Brno; или ряд послесловий к чешским изданиям русских авторов, как наприм.: Puškin, Aleksandr Sergejevič. (1937) *Eugen Oněgin – román ve verších*. Praha: Melantrich, přel. Josef Hora, doslov *Na okraj Eugena Oněgina* naps. Roman Jakobson, и др. К завещанию А. Бема см. наприм.: Bubeníková, Miluša. (1995) *Alfred Liduvigovich Bem (bibliografie)*. Praha: Národní knihovna ČR, uspoř. a úv. studii naps. Miluša Bubeníková, Lenka Vachalovská. M. Bubeníková, A. N. Gorjainov (ed.). (2005) *Alfred Liduvigovič Bem - Vsevolod Izmajlovič Srezněvskij (Perepiska 1911–1936)*. Brno: Masarykova univerzita – Slavistická společnost F. Wollmana.

¹¹ Я имею в виду, прежде всего, чешский перевод сборника данного автора «*Огненный столп*». ср.: Gumilev, Nikolaj. S. (1932) *Ohnivý sloup*. Praha, и книгу Gumilev, Nikolaj. S. (1933) *Výbor z díla*. Praha: Nakl. J. Otto. Ценным является факт, что во второй сборник,

конца 80-ых гг. прошлого века, лишь секретно. Избранные стихи популярной «славянской Сапфо» – **Анны Ахматовой** – переводились в чешской культуре относительно рано¹², хотя ее новое возвращение осуществилось позже, лишь в 60-ые гг., и поэма «*Реквием*» могла свободно печататься только с конца 80-х гг.

Русские имажинисты, представляющие собой, в основном, постепенное «угасание» вдохновляющей волны серебряного века, были представлены в рассматриваемом первом, т.е. довоенном, периоде лишь переводами поэзии **Сергея Есенина**¹³, причем интересно, что один сборник переводов его стихотворений был издан даже еще в 1940 г., т.е. уже в атмосфере немецкой оккупации во время войны.¹⁴

Отношение чехов к творчеству и художественному наследию русской поэтессы **Марины Цветаевой** (выразительной, своеобразной личности русской и мировой литературы, исходящей в своем творчестве из экспериментальных традиций «серебряного века») отличается со стороны чешских реципиентов и интерпретаторов определенной дихотомией подхода¹⁵. Постепенное притормаживание проникновения поэтессы

переведенный З. Спилкой, была включена небольшая заметка о поэте, автором которой был В. В. Вилинский, работавший некоторое время в Университете им. Масарика в г. Брно. Кроме того, некоторые избранные стихотворения Гумилева опубликовала в чешских межвоенных журналах известная переводчица русской поэзии М. Марчанова. Об этом см. в моей работе: Рихтерек, Олдржих. *Поэтика стихотворений Н. Гумилева в чешском переводе*. In: *Litteraria Humanitas XIV. Problémy poetiky*. Brno: FF MU, 2006, s.151–162.

12 Ср.: Achmatova, Anna Andrejevna. (1931) *Bílé hejno*. Praha: Rudolf Rejman, přel. Marie Marčanová. Второе издание этого перевода появилось сразу после войны (значит, еще до дошедшей в Чехию новой «политической клятвы» поэтессы), дополненное послесловием Б. Матхесиуса – в 1947 г. в пражском изд. «Melantrich».

13 Ср.: Jesenin, Sergej Aleksandrovič. (1926) *O Rusku a revoluci – výbor z básní*. Praha: O. Štorch-Marien, uspoř. a přel. B. Mathesius a J. Hora. Jesenin, Sergej Aleksandrovič. (1927) *Jiná země – Inonia, Píseň o velikém pochodu, Anna Sněgina*. Praha: Alois Srdce, uspoř. a z rus. přel. J. Hora a B. Mathesius. Jesenin, Sergej Aleksandrovič. (1931) *Básně*. Praha: Družstevní práce, vybr. a přel. Marie Marčanová.

14 Ср.: Jesenin, Sergej Aleksandrovič. (1940) *Modravá Rus (výbor z lyriky a epiky)*. Praha: Jan Fromek, výbor z překl. Josefa Hory, Marie Marčanové a vlastních uspoř. a uvedl Boh. Mathesius.

15 Суть проблемы заключается в ригидных этапах взаимного культурного диалога обеих национальных литератур, и в прошлом в ней отражался некоторый абсурд чешского отношения к поэтессе, которая недолгое время жила в среде русской довоенной эмиграции в Праге и посвятила этому периоду и часть своих произведений. Однако, чешская культура, стремясь соблюдать импульсы политического советского проклятия Цветаевой, молчала о ней. В межвоенный период было издано лишь одно ее небольшое произведение в русском эмигрантском издательстве: Svetajeva, Marina Ivanovna. (1924) *Молодец (сказка)*. Прага: Пламя. в этом издательстве были изданы и избранные произведения имажинистов Есенина, Мариенгофа и Шершеневича. О проблематике чешских переводов поэзии Цветаевой см.: Рихтерек, Олдржих. *К проблематике чешского пере-*

в чешскую культуру касается более или менее лишь двух следующих этапов чешского восприятия феномена «серебряного века», упоминаемых мною в этой статье.

2. Вторым этапом можно считать сороколетие после 1948 г., выделяющееся характерным резким отклонением от настоящего культурного, творческого, художественного и стилистического завещания «серебряного века», заменяемого односторонней идейно-политической критикой. Постепенно (начиная с 60-ых гг и продолжая 80-ыми гг. прошлого века) интерес чешской культуры меняется и приобретает более объективный характер.¹⁶ Появляется не только ряд переводов (многие из них возникли раньше, однако нельзя было их публиковать), но и первые объективные чешские попытки приблизить, толковать, анализировать и оценивать роль и продолжающееся положительное влияние завещания всего русского искусства¹⁷ начала XX в.

3. Настоящий объективный подход к феномену «серебряного века» в чешской культуре полностью осуществился лишь в **третьем периоде** – после 1989 г., когда этот феномен русской литературы и культуры стал рассматриваться с учетом комплексного восприятия процесса развития русской истории и культуры и подхода к ней с точки зрения зарубежного (в данном случае и чешского) восприятия всех релевантных импульсов и традиций, исключение которых нарушает не только облик русской культуры, но и объективное восприятие богатства последней в контексте истории мировой литературы и в процессе современного диалога культур. в связи с этим появился солидный ряд изданий переводов и даже критических и научных работ, приближающих и уточняющих чешскому реципиенту неиспорченный образ русского «серебряного века».¹⁸

вода метафоры в поэзии Марины Цветаевой. в кн.: *Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс сегодня.* X конгресс МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 29. 6.–5.7. 2003 г. Санкт-Петербург: 2003, с. 658–663. Или: Рихтерек, Олдржих. *К чешскому переводу поэзии Марины Цветаевой.* в кн.: Vobořil, Ladislav, ed. (2008). *Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů.* Olomouc: Univerzita Palackého, s. 307–311.

¹⁶ Ср.: Richterek, Oldřich. 'Ztráty a nálezy' v českých překladech ruské poezie 20. století. в кн.: *Ruská poezie 20. století, recepční, genologické a strukturálně analytické pohledy. Sborník studií.* Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2007, с. 11–22.

¹⁷ Я пока обращал внимание лишь на литературу (особенно поэзию, которая, как правило, способна в переломные эпохи более быстро и актуально реагировать). Однако, «серебряный век» касается не только литературы, но и музыки и изобразительного искусства, нередко во взаимосвязи всех этих упомянутых видов художественного изображения действительности.

¹⁸ Я опять не намереваюсь перечислять весь потенциальный список не только переводов, но и научных работ, послесловий, докладов на разных конференциях и научных встречах. Что касается теоретических работ, напомним: Mathauser, Zdeněk. (1988) *Metodo-*

3.1. в связи с современным чешским восприятием завещания русской литературы «серебряного века» мне хотелось бы коснуться некоторых работ **Дануши Кшицовой** (проф. Университета им. Масарика в г. Брно), отмечающей в этом году знаменательный жизненный юбилей, которая, объективно говоря, внесла большой вклад в современное чешское восприятие настоящего значения и художественных ценностей завещания русского «серебряного века» не только в роли компетентного литературоведа, но и опытного переводчика.¹⁹

3.1.2. К главным и значительным вкладам Кшицовой в современное чешское восприятие русской литературы рассматриваемого этапа «серебряного века» следует, на мой взгляд, отнести несколько приемов и методов ее работы.

Кшицова подходит к анализу изучаемого и анализируемого феномена не с точки зрения замкнутого русского контекста литературного и культурного процесса, а анализирует феномен, с одной стороны, с учетом взаимосвязей последнего с европейским и мировым контекстом (раз-

logické meditace aneb Tajemství symbolu. Brno: Blok. Uličná, Olga. (1991) *Pražské poémy Mariny Cvětajevové (a jejich překlady do češtiny).* Praha: Karolinum. Zdražilová, Miluše. (1995) *Ruská literatura přelomu 19. a 20. století.* Praha: Karolinum. Mathauser, Zdeněk. *Marina Cvetajevová a vznešenost poezie.* Послесловие в кн.: Cvetajevová, Марина. (1996) *Lichý střevíc.* Praha: Melantrich, с. 333–343. Honzík, Jiří. (2000) *Dvě století ruské literatury.* Praha: Torst. Svatoň, Vladimír. (2002) *Z druhého břehu (studie a eseje o ruské literatuře).* Praha: Torst. Danuše Kšicová, Ivo Pospíšil (edit.). (2003) *Moderna, avantgarda, postmoderna.* Brno: Masarykova univerzita. Zahradka, Miroslav. (2003) *Ruská literatura XX. století (literární proudy a osobnosti).* Olomouc: Periplum. Hrala, Milan. (2007) *Ruská moderní literatura 1890–2000.* Praha: Karolinum. и др.; кроме того, появились и синтетические работы информационного характера, наприм.: Pospíšil, Ivo a kol. (2001) *Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů.* Praha: Libri. Kovačičová, Olga a kol. (2007) *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia.* Bratislava: VEDA, vyd.. SAV.

¹⁹ Cp Kšicová, Danuše. (1988) *Ruská literatura 19. a začátku 20. století v českých překladech (kapitoly z dějin literárních vztahů).* Praha: SPN. Kšicová, Danuše. (1991) *Poema za romantismu a novoromantismu.* Brno: Masarykova univerzita. Klein, Pavel, Kšicová, Danuše. (2003) *Symbolismus na scéně MCHAT (režijní koncepce K.S. Stanislavského).* Brno: Masarykova univerzita. Bal'mont, Konstantin Dmitrijevič. (2001) *Duše Českých zemí ve slovech a činech – Душа Чехии в слове и деле (z dějin česko-ruských literárních vztahů).* Brno: Masarykova univerzita, vydání, překlad, studie, komentář Danuše Kšicová. Danuše Kšicová. (2001) *Dramatika ruského symbolismu – hry v originále. I, Konstantin Balmont, Valerij Brusov.* Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, ed., studie, komentáře. Danuše Kšicová, Pavel Klein. (2003) *Dramatika ruského symbolismu II – hra v originále a překladu, Dmitrij Merežkovskij, Pavel I.* Brno: FF MU, Ústav slavistiky – Ústav pro studium divadla a interaktivních médií, přel. Danuše Kšicová, ed., studie, komentáře. Danuše Kšicová, Pavel Klein. (2004) *Dramatika ruského symbolismu III – malé hry o lásce v originále a překladu.* Brno: Masarykova univerzita, překl. dram. a Blokových veršů Danuše Kšicová, ed., studie, komentáře. Danuše Kšicová, Pavel Klein. (2007) *Dmitrij Merežkovskij, Smrt Pavla I.: historické drama.* Brno: Městské divadlo Brno, texty Danuše Kšicová et al., premiéra 8. a 9.9. 2007.

умеется, и с адекватным акцентированием места чешской культуры²⁰), с другой стороны (и этот факт, по моему мнению, необходимо считать очень ценным и вдохновляющим), с учетом комплексных взаимосвязей отдельных видов искусства – особенно намеченных мною выше связей литературы, живописи и музыки. Упомянутый интерпретационный прием вносит в анализ и наглядные примеры переводов отдельных артефактов Кшицовой своеобразные импульсы обобщённой компаративисткой оптики, учитывающей межкультурные взаимосвязи всего центрально-европейского (конечно, даже общеевропейского) ареала, соответствующие, между прочим, некоторым актуальным «арельным» подходам к изучению межкультурных процессов и взаимосвязей – не только литературных, но всех культурных – артефактов.²¹

Именно эти тенденции стали лейтмотивом одной из последних работ Кшицовой-юбиляра. Я имею в виду её обширный и с информативной точки зрения весьма ценный труд «*Od moderny k avantgardě. Rusko-české paralely*»²², раскрывающий громадный вклад литературы и всего искусства «серебряного века» во взаимосвязь русской и мировой культур, виртуозно созданный особенным методом, который напоминает стиль художественной «пространной мозаики». Дело в том, что автор стремится демонстрировать читателю не монолитное научное изложение с акцентированием всех взаимосвязей «серебряного века» русской культуры с чешским и европейским контекстом, но при помощи отдельных фактографически и аргументационно богатых глав своей книги создает его богатый, цельный и «художественно рельефный образ». Притом, Кшицовой нередко удается замечать его многие вдохновляющие импульсы буквально «*in statu nascen-*

20 Наглядным примером может служить цитированная книга, посвященная К. Бальмонту (*Duše Českých zemí ve slovech a činech – Душа Чехии в слове и деле*) – см. там же. Мне кажется, что Кшицовой удалось, между прочим, представить в компаративистском аспекте феноменальный образ Константина Бальмонта как выдающуюся личность мировой культуры, своим вкладом выходящую за рамки «бинарно» ограниченного русско-чешского межкультурного диалога. Кшицова уверенно доказала, что Бальмонта необходимо считать исключительной личностью мировой культуры. Кроме того, Кшицова дополняет свои выводы большим количеством лично открытых фактографических материалов, источников, своих собственных высококачественных комментариев и переводов, говорящих о ее научной солидности и компетентности.

21 Необходимо, по моему мнению, напомнить о том, что именно импульсы литературоведов, культурологов и др. исследователей философского факультета в г. Брно (причем, важную роль играет, прежде всего, Институт славистики под руководством проф. Иво Поспишила) способствовали повышению чешского интереса к подобному «ареальному» подходу при изучении, интерпретации и восприятии современного межкультурного диалога.

22 Ср.: Kšicová, Danuše. (2007) *Od moderny k avantgardě. Rusko-české paralely*. Brno: Masarykova universita.

di», заглядывая в художественное завещание русской классики и мировой культуры (например, Тютчева, Достоевского, Тургенева, Чехова, итальянского Ренессанса и др.), а также в традиции мифа, символа, метафоры. Таким образом, Кшицова раскрывает, например, «магичность» русского поэтического слова, которую, главным образом, неповторимо открыла эпоха «серебряного века». Мне кажется, что именно поэтому Кшицовой удалось раскрыть причины, постоянно привлекающие к данной эпохе русской культуры читателей, режиссёров, актёров, художников, музыкантов, творчески мыслящих людей.

